
КНИГА ВТОРАЯ: ХРОНИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ОШИБКА ДЕЛЕНИЯ НА НОЛЬ
Никита Отавин

Никита Отавин

ОШИБКА ДЕЛЕНИЯ НА НОЛЬ. Книга вторая: Хроники возрождения

«Автор»
2026

Отавин Н.

ОШИБКА ДЕЛЕНИЯ НА НОЛЬ. Книга вторая: Хроники возрождения / Н. Отавин — «Автор», 2026

Данная книга — это тихая, глубокая хроника исцеления. Если первая книга была историей о разрушении Старого мира, то вторая — о том, как на руинах вырастает новый человек. Это история о том, как рождается истинная свобода. Она начинается не с падения башен, а с запаха свежего хлеба, который люди испекли сами, устав от работы, но с благодарностью к настоящей жизни. Роман исследует цикличность бытия через ведические праздники, рождение детей, бунт подростков, ищущих правду, и принятие старости. «Хроники возрождения» — гимн преемственности. Роман доказывает, что истинная победа — это не выжженная земля, а корни, уходящие так глубоко, что никакая буря не сможет вырвать могучее Древо из земли. Это медитативное, поэтичное и невероятно человечное повествование о том, как вечная война превращается в безусловную любовь.

© Отавин Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН 5
КНИГА ВТОРАЯ: ХРОНИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ 6
Аннотация 6
Предисловие автора 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТИШИНА КОРНЯ 8
Глава 1. Дом из мха и времени 8
Глава 2. Анатомия тишины 11
Глава 3. Праздник Купалы 14
Глава 4. Искусство не мешать 17
Глава 5. Плоть и камень 20
Глава 6. Дети руин 23
Глава 7. Ведический календарь 26
Глава 8. Тень прошлого 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

ОШИБКА ДЕЛЕНИЯ НА НОЛЬ.
Книга вторая: Хроники возрождения

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ: ХРОНИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Быть человеком в мерности земной —
Есть высший дар познания свободы,
И внешний шум не властен над душой
Живущих с пониманием природы.

Н. Отавин

Аннотация

Данная книга — это тихая, глубокая хроника исцеления. Если первая книга была историей о разрушении Старого мира, то вторая — о том, как на руинах вырастает новый человек.

Яромир, разбудивший Узлы Земли, возвращается в домой. Его война за свободу окончена, но главный бой только начинается — бой с собственной пустотой. На фоне суровой, первозданной природы разворачивается великая алхимия духа: бывший воин учится не мешать людям ошибаться самостоятельно, а его жена Лада становится Корнем, удерживающим небосвод на своих плечах.

Это история о том, как рождается истинная свобода. Она начинается не с падения башен, а с запаха свежего хлеба, который люди испекли сами, устав от работы, но с благодарностью к настоящей жизни. Роман исследует цикличность бытия через ведические праздники, рождение детей, бунт подростков, ищущих правду, и принятие старости.

Мудрость второй книги заключается в парадоксе: чтобы защитить своих детей, Яромир должен позволить им совершить свои ошибки, а чтобы познать себя, он должен уйти в ледяную пустоту Севера и раствориться в ней.

«Хроники возрождения» — это гимн преемственности. Роман доказывает, что истинная победа — это не выжженная земля, а корни, уходящие так глубоко, что никакая буря не сможет вырвать могучее Древо из земли. Это медитативное, поэтичное и невероятно человечное повествование о том, как вечная война превращается в безусловную любовь.

Предисловие автора

Мы привыкли искать силу в ударе. Нам кажется, что самый громкий крик — самый правдивый, а самая высокая стена — самая надёжная. Мы строим башни до небес, чтобы доказать своё величие, и роем бункеры, чтобы спрятаться от собственного страха.

Эта книга родилась из вопросов, которые однажды задал мне мой сын: «Папа, а если интернет знает всё, зачем нам тогда своя память? И зачем нам сегодня оберегать и защищать то, что уже оказалось в далёком прошлом?».

«Хроники возрождения» — это попытка ответить на них. Я хотел понять, что происходит с воином, когда война заканчивается. Оказалось, самая страшная битва начинается именно тогда, когда уже завершено основное продолжительное сражение. Это битва с тишиной. Битва с желанием спасти своих детей от каждой ошибки, от каждого сквозняка, от каждой занозы.

Яромир думал, что приносит людям свободу. Но свобода — это всегда холод и пустые руки. И самое великое мужество — это позволить тем, кого любишь, замёрзнуть, чтобы они сами научились искать дрова.

Я писал эту книгу не о конце света. Я писал её о его начале. О том утре, когда дым первого мирного очага становится важнее дыма сгоревших крепостей врага.

Пусть эта история напомнит вам: мы не спасаем мир, размахивая мечом. Мы спасаем его, когда учимся дышать в такт с тем, кто спит рядом, и когда находим в себе силы не отнять у другого его собственную боль, позволяя совершить собственную ошибку на пути созидания.

Живите. Ошибайтесь. Созидайте. Любите. И слушайте, как поют корни Предков под вашими ногами.

С уважением и верой в Вас,

Никита Отавин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТИШИНА КОРНЯ

Пусть тишина порой невыносима,
И боль пульсирует, зовёт меня на бой,
Я чувствую — душа неуязвима,
Пока согрета и обласкана мечтой.

Н. Отавин

Глава 1. Дом из мха и времени

Пахло утренней росой и печным дымом.

Яромир проснулся не от привычного холодка опасности, щекочущего затылок, и не от звона стали вдалеке. Он проснулся от тишины. Она была такой плотной, такой осязаемой, что казалось — её можно нарезать ломтями, как вчерашний хлеб, и складывать в котомку. За бревенчатыми стенами их нового жилища дышал Западный Узел. Дышал тяжело, медленно, как просыпающийся великан, стряхивающий с плеч вековые наслоения бетона и ржавчины.

Лада спала, уткнувшись носом в изгиб его плеча. Её дыхание было ровным, но Яромир чувствовал, как сквозь кожу её руки в его плоть перетекает тепло — густое, золотистое, пахнущее цветущей сиренью и парным молоком. Он закрыл глаза, пытаясь запомнить этот момент, как запоминают карту перед боем. Только теперь карта была не из пергамента. Она состояла из запахов и ощущений.

Их дом не был построен в привычном смысле этого слова. Яромир, чьи руки ещё помнили тяжесть автомата и холод стали, теперь учился быть плотником, но плотником иного толка. Он не покорял дерево — он договаривался с ним. Стволы старых кедров, пережившие Эпоху Полумрака, сами легли в венцы. Мох, который они собирали на болотах, стал не просто утеплителем — он стал кожей дома. Он свисал с кровли изумрудными прядями, впитывая дожди, и теперь, в конце лета, стены дышали влагой и древней лесной прохладой.

Лада называла это место «Живой терем». Для Яромира это всё ещё была крепость, просто у неё сменились укрепления. Вместо рвов — заросли папоротника, вместо бойниц — окна, с вышитыми занавесками, сквозь которые солнце пробивалось не резким лучом, а мягким, рассеянным пятном.

Он осторожно, стараясь не разбудить её, высвободил плечо и сел. Старые доски пола — трофей из развалин какого-то элитного посёлка, найденный в буреломе — скрипнули под его весом. Яромир поморщился. Этот скрип казался ему выстрелом в утренней тиши.

«Расслабься, — вспомнил он слова Лады, сказанные вчера, когда они конопатили щели. — Ты воюешь с половицами, Яромир. А они просто хотят петь».

Он встал и босыми ногами подошёл к печи. Кирпичи ещё хранили ночное тепло. Яромир подбросил несколько поленьев — сухих, звонких. Огонь занялся не сразу. Он долго принюхивался к дереву, словно не доверяя ему, а потом вдруг выдохнул в дымоход синим языком. По стенам заплясали тени, похожие на рысей.

Яромир накинул на плечи рубаху из крапивного полотна. Ткань была грубой, но пахла летом и солнцем. Он взял в руки ручную мельницу — два тяжёлых дубовых круга. Вчера Лада принесла мешочек пшеницы, и теперь нужно было смолоть муку.

Движение было монотонным. Скр-р-рип. Скр-р-рип.

Раньше его руки искали ритм в перезвоне клинков, в лязге затвора. Теперь ритм был здесь — в перетирании зерна в пыль. Яромир закрыл глаза. Он представил, как внутри жерновов не просто крошится зерно, а перемалывается его собственная память. Осколки битв, пепел городов, лица мёртвых товарищей — всё это превращалось в серую пыль, которую потом унесёт ветер. Остаётся только хлеб. Только жизнь.

Скрипнула низкая дверь, и в проёме, кутаясь в шаль из козьего пуха, появилась Лада. Она не спала, он знал это. Она просто ждала, пока он закончит свой утренний бой с тишиной.

— Опять воюешь? — её голос был чуть хриплым со сна, но в нём звенела улыбка.

— Мельница упрямая, — буркнул Яромир, не прекращая движения.

Лада подошла сзади. Она просто прислонилась к его спине, став его продолжением. В её волосах запутались сухие травинки.

— Ты дышишь так, будто за стеной «Чистильщики», — прошептала она ему в затылок. — А за стеной всего лишь старый ёж топочет. Он вчера у нас под крыльцом гнездо свил.

Яромир остановился. Тяжесть в плечах, которую он таскал годами, вдруг показалась ему смешной. Он развернулся, подхватил её на руки — Лада была лёгкой, почти невесомой, как охапка сухого зверобоя — и закружил в утреннем полумраке горницы. Огонь в печи выхватывал из темноты её лицо: высокие скулы, глаза цвета талой воды и россыпь веснушек, которых раньше не было. Время начало касаться её, и Яромир вдруг понял, что не боится этого. Эти веснушки были правдой.

— Поставь, медведь, половицы проломишь, — засмеялась она, обвивая его шею руками.

Он поставил её на пол, но не отпустил. Шаль упала с хрупких плеч Лады. Его ладони лежали на её талии поверх ткани платья.

— Я не знаю, как жить без войны, Лада, — признался он тихо, и это признание далось ему труднее, чем прыжок в Колодец Памяти. — Я просыпаюсь и ищу врага. Я ищу задачу. А задача сейчас — смолоть муку.

Лада положила свою ладонь поверх его руки. Её пальцы были прохладными.

— Смолоть муку — это самая главная задача, — серьёзно сказала она. — Потому что в этой муке спит солнце. Если мы не накормим людей, они снова пойдут за тем, кто пообещает им пайку. Свобода начинается не с падения башен, Яромир. Она начинается с запаха свежего хлеба.

Она высвободилась из его рук и подошла к столу. Достала из ларя кувшин с молоком. Дерево столешницы было испещрено трещинами, и Лада провела по ним пальцем, словно читая линии судьбы.

— Мы строим не стены, — сказала она, разливая молоко по грубым глиняным кружкам. — Мы строим пространство, в котором людям не страшно быть слабыми. Останься сегодня дома. Не иди чинить мост. Пусть он скрипит. Пусть люди сами поймут, что без моста им не переправить сено. Дай им их собственную боль, Яромир. Иначе они никогда не вырастут.

Яромир смотрел, как она разламывает краюху пшеничного, ноздреватого хлеба. Как мажет его мёдом, от которого пахнет дикими травами и свободой.

Он сел за стол. Взял протянутую кружку. Молоко было жирным, оставляло усы.

За окном занимался настоящий рассвет. Не тот багровый, цвета крови и смога, к которому он привык, а чистый, золотисто-розовый. Первый луч ударил в окно, пробил занавеску и упал прямо на стол, осветив руки Лады. Они были в мелких царапинах и мозолях, но в этом утреннем свете они казались выточенными из светлого янтаря.

— Дай им время, — повторила Лада, касаясь своим мизинцем его. — И себе дай. Ты не меч. Ты — Крона. А я — Корень. Дерево не растёт в бою. Оно растёт в тишине.

Яромир кивнул. Он отпил молока. Оно было сладким.

Впервые за сорок лет он позволил себе просто сидеть, слушать, как трещат дрова, и смотреть, как его женщина ест хлеб.

Тишина больше не казалась ему пустой. Она была наполнена смыслом.

Глава 2. Анатомия тишины

Днём Яромир справлялся с тишиной легко. Дневной свет требовал действий: нужно было тесать бревно для общинной бани, плести из ивовых прутьев корзину для сбора ягод, помогать старику Велемиру править косу. Солнце заливало поляну у Корневого Дуба таким плотным золотом, что в нём тонули любые тени — и те, что падали от деревьев, и те, что жили внутри самого Яромира. Днём он был мужем, соседом, плотником. Днём он мог обмануть даже себя.

Но солнце — гость непрошеный. Оно всегда уходило, оставляя мир на попечение луны. И вот тогда начиналась настоящая работа.

Ночью, когда Лада засыпала, её дыхание становилось ровным и глубоким, как дыхание самой тайги, Яромир открывал глаза. Он смотрел в низкий потолок их спальни и слушал.

Он слушал пустоту внутри себя.

Там, где раньше гудел трансформатор постоянной готовности, где жила пружина, готовая в любой момент швырнуть тело врага в перекат, теперь была гулкая, влажная пещера. Память. Она не спрашивала разрешения. Она просто приходила.

Запах гари после удара плазменного заряда «Энигмы».

Вкус крови во рту — своей, чужой…Они давно перемешались.

Лицо Правителя в подземелье Старой крепости, искажённое не злобой, а бесконечной, вековой усталостью.

И самое страшное — тишина в эфире, когда они с Ладой стояли на площади, а толпа, только что готовая носить их на руках, вдруг превратилась в стадо с пустыми глазами, жаждущее «безусловного дохода».

Яромир садился на край лежанки. Его ступни касались холодного пола, и этот холод был спасением — он был настоящим. Он не давал сознанию провалиться в липкий кисель кошмара.

Он пытался дышать так, как учила Лада: животом, медленно, представляя, как воздух опускается вниз, к корням, к самому ядру земли. Но воздух застревал в горле. Там сидел ком невыплаканных слёз и невыпущенной ярости.

Он был «Мечом». Он был функцией. Убери функцию — и что останется? Куча костей, обтянутых кожей, которая слишком быстро начала сохнуть на этом мирном ветру. Он чувствовал себя самозванцем. Здесь, в этом раю из мха и дикого мёда, где люди учились заново смеяться, он всё ещё был заряжен на поражение. Он всё ещё ждал удара в спину от тишины.

Сегодня ночью запахи вернулись особенно ярко. Воспоминания терзали. Он снова стоял в «Саду Забвения» на крыше Хранилища. Синтетические деревья умирали, осыпаясь пеплом, а Лада пела Песню Распада. Он снова видел, как её фигура растворяется в пурпурном огне, чтобы удержать небо.

— Я не смог тебя удержать, — прошептал Яромир в темноту.

Голос прозвучал жалко.

Он встал. Бесшумно, как его учили в разведке, выскользнул из-под тёплого бока Лады. Она что-то пробормотала во сне, нахмурилась, но не проснулась. Её рука слепо пошарила по льняной простыне, не нашла его, и Лада свернулась калачиком, обняв подушку, приняв её форму.

Яромиру стало стыдно. Он крадёт у неё покой. Его война, которая давно закончилась, всё ещё продолжается в его снах, и он, как трус, уходит из окопа, чтобы не будить часового.

Он вышел на крыльцо.

Ночь Западного Узла была не такой, как в столице. Там ночь была просто отсутствием света, дырой в сутках. Здесь ночь была субстанцией. Она была синей, густой, пахнущей прелой

листвой и грибницей. Над поляной висел туман — тёплый, как парное молоко. Он скрывал корни Дуба, и казалось, что дерево висит в воздухе, опираясь на облака.

Яромир спустился по ступеням. Гравий — обычный речной камень, который они натаскали мешками — хрустел под босыми ногами неестественно громко. Каждый звук в этой тишине казался предательством.

Он дошёл до кромки леса и прислонился спиной к стволу старой ели. Кора была шершавой, влажной, живой. Он вдавился в неё затылком, пытаясь заземлиться.

«Ты слишком напряжён, — звучал в голове голос Лады. — Ты пытаешься сразиться с ночью. А ночь не нужно побеждать. Её нужно впустить».

— Легко тебе говорить, — буркнул Яромир в темноту. — Ты сама ночь. Ты — Корень. Ты всегда знала, куда течь. А я... я — лезвие. Лезвие не умеет течь. Оно умеет только резать. Если я не режу, я ржавею.

В кустах боярышника что-то зашуршало. Яромир напрягся. Тело само приняло низкую стойку, правая рука пошла к поясу, где... где была только грубая кожа. Ножа не было. Он сжал пустоту пальцами, и этот жест — жест человека, ищущего рукоять меча, которого нет — показался ему таким нелепым, что он глухо, зло рассмеялся. Смех прозвучал как кашель.

— Ржавею, — повторил он тише. — Ты уже ржавчина, Яромир. Твой век кончился вместе с Архитектором. Прими это.

Он сполз по стволу ели на землю, прямо в мягкий мох. Сырость тут же поползла по спине, но это была честная сырость. Он закрыл глаза.

«Впусти его, — снова сказала Лада, теперь уже не в голове, а словно сам мох шептал это. — Впусти страх. Ты боишься, что если перестанешь быть воином, то станешь никем».

Яромир перестал сопротивляться. Он выдохнул и позволил этому страху подняться из живота, заполнить грудь, горло. Страх затопил его. Страх того, что он больше не нужен. Что его сила, за которую его уважали и боялись, теперь — просто грубая привычка, мешающая жить.

Он сидел так долго. Пока роса не начала оседать на его волосах. Пока его плечи, сведенные судорогой вечной готовности, не начали гореть от усталости.

И тогда случилось то, чего не было никогда.

Он услышал тишину ночи. Она была полна звуков.

Вот сонно ухнула сова далеко в чащобе. Вот упала шишка. Вот по коре Дуба пробежал ночной жук, издавая едва слышное царапанье. Вот вздохнула сама земля, выпуская из пор накопленное за день тепло.

Тишина не хотела его крови. Она просто была.

Яромир открыл глаза. Он посмотрел на свои руки. В лунном свете кожа казалась синей, покрытой мелкими шрамами и мозолями. Это были руки выжившего.

Он поднял с земли сухую ветку. Она хрустнула в кулаке с сухим, приятным звуком. Не звон стали, не треск кости. Просто сухой звук дерева.

— Ладно, — сказал Яромир ночи. — Живи. Я разрешаю.

Он поднялся. Ноги затекли, и первые шаги дались с трудом, как у новорожденного оленёнка. Он вернулся в дом.

Лада спала всё в той же позе, свернувшись вокруг подушки. Яромир стоял в дверях и смотрел на неё. На то, как вздымается её грудь. На прядь волос, упавшую на щёку.

Она была не просто женщиной. Она была условием его существования. Без неё его тишина была бы могилой. С ней она становилась домом.

Он лёг рядом, стараясь не скрипнуть. Укрыл её краем одеяла, которое она во сне скинула. Её нога была ледяной, и он положил на неё свои ладони, согревая.

Лада вздохнула, её ресницы дрогнули. Она открыла глаза — два тёмных омута, в которых отражался лунный свет из окна.

— Вернулся? — спросила она. Не «где ты был», не «почему ушёл». Просто — «вернулся».

— Да, — Яромир прижался лбом к её плечу. — Кажется, я только что впервые выиграл бой, не нанеся ни одного удара.

Лада улыбнулась в темноте. Она повернулась к нему, прижалась всем телом, закидывая на него ногу и руку, словно хотела пришить его к себе, чтобы он больше не сбегал.

— Спи, мой Воин, — прошептала она. — Отдыхай. Я покараулю.

И впервые за долгие десятилетия, с тех пор как он взял в руки первый боевой клинок, Яромир закрыл глаза и провалился в сон без сновидений. Он просто утонул в тепле её тела.

Он стал просто мужем. И этого было достаточно, чтобы удержать мир внутри себя.

Глава 3. Праздник Купалы

Солнце достигло зенита и словно замерло, запутавшись в кронах Живого Дуба. Это был самый длинный день в году — Купала, вершина годового круга, когда материя и дух становятся проницаемыми друг для друга.

Поляна перед домом Яромира и Лады преобразилась. Люди, которые ещё полгода назад прятались в бетонных коробках, вздрагивая от звука собственных шагов, теперь двигались плавно, словно подчиняясь невидимому ритму.

Запах стоял такой густой, что его, казалось, можно было пить. Пахло скошенной вручную травой — не бензином газонокосилок, а сладким соком раздавленных стеблей. Пахло сухим деревом от огромного кострища, сложенного из цельных сухих сосен, и диким зверобоем, который девушки охапками носили от реки.

Яромир стоял на краю поляны, скрестив руки на груди. На нём была простая льняная рубаха без узоров — он всё ещё чувствовал себя неловко в хаосе праздника. Его природа требовала чёткого плана действий: периметр, дозоры, распределение ресурсов. Здесь же люди просто... были.

Он смотрел на Ладу. Она была в центре этого хаоса, и хаос слушался её. Босая, в платье цвета речной волны, она плела венки. Вокруг неё, как планеты вокруг солнца, кружились женщины. Лада не учила их — она просто показывала, и пальцы сами вспоминали то, что спало в крови их прабабок.

— Не туго, Милолика, — мягко говорила Лада, поправляя руку молодой девушки. — Венок — это судьба. Если затянешь — жизнь задушишь. Пусть дышит.

Милолика — дочь бывшего биржевого маклера, девушка с идеально ровной, «отредактированной» кожей, которая теперь была покрыта загаром и веснушками — кивнула. В её глазах не было страха перед будущим. Там было сосредоточенное любопытство. Она смотрела, как стебли льна и полевые цветы ложатся в кольцо, и Яромир видел: она впервые в жизни делает что-то, что нельзя сохранить в «облаке». Это можно только держать в руках. И это умрёт через три дня. И в этом была пугающая, но честная правда.

— Ты выглядишь как филин на ярмарке, — раздался голос за спиной.

Яромир обернулся. Подошёл Велемир — старейшина, чьи суставы скрипели громче половиц, но глаза были ясными. В руках старик держал потрёпанный бубен из телячьей кожи.

— Иди к огню, Яромир, — Велемир ткнул пальцем в сторону костра. — Не стой на границе. Граница — это страх. А сегодня мы сжигаем страх.

К вечеру поляна заполнилась. Пришли люди из соседних поселений — те, кто услышал зов Живого Дуба. Они принесли с собой хлеб, мёд, солёную рыбу. Никто не спрашивал цену. На расстеленных рушниках просто лежала еда, и каждый брал, сколько нужно. Яромир всё ещё ждал подвоха, ждал того момента, когда кто-то схватит больше, чем может унести, но этого не происходило. Свобода, даруемая не указом, а примером, оказалась лучшим стражем.

Когда диск солнца коснулся верхушек дальнего леса, Велемир ударил в бубен.

Звук был не громким, но он вошёл под рёбра, заставив сердце пропустить удар. Бум-м. Бум-м. Ритм крови. Ритм земли.

Люди начали сходиться к подготовленному для розжига кострищу.

Лада вышла в центр круга. В руках у неё был факел. Она подошла к краю сложенных пирамидой брёвен.

— Огонь-Сварожич! — её голос взлетел над поляной, чистый и сильный. — Приди, очисти! То, что криво — выпрями! То, что мёртво — сожги!

Она коснулась факелом сухих нижних веток. Огонь не набросился. Он сначала лизнул дерево языком, словно пробуя на вкус, а потом с низким, утробным гулом ворвался вверх. В небо ударил столб искр.

Толпа ахнула.

Это было не то пламя, к которому привык Яромир. Не жадный, коптящий огонь сжигаемых архивов или плазменных разрядов. Это был Живой Огонь. Он пел. Языки пламени сплетались в спирали, в фигуры танцующих дев, в лесных зверей.

Яромир стоял в первом ряду и видел лица. Он видел, как люди, привыкшие к ровному, безопасному свету голограмм, отшатнулись от жара. В их глазах был первобытный ужас. Для них огонь всегда был либо картинкой на визоре, либо катастрофой, сиреной, бегством.

Но ужас длился секунду.

Лада шагнула через невысокий плетень из вербы прямо к самой кромке пламени. Её лицо осветилось оранжевым. Она запела. Это была не песня слов — это был древний звук, вибрирующий в груди. И люди начали успокаиваться. Они смотрели не на разрушительную стихию, а на женщину, которая не боялась.

— Прыгай, — шепнул Велемир Яромиру, подталкивая в спину. — Очищение. Кто прыгнет — того беды минуют.

Яромир сглотнул. Прыгнуть через костёр высотой в два человеческих роста? В его теле всё кричало: «Оцени траекторию, учти ветер, риск обжечь лицо». Но он посмотрел на Ладу. Она стояла у огня, и пламя отражалось в её зрачках. Она не приказывала. Она просто ждала.

Яромир разбежался.

Это был прыжок в неизвестность. Он оттолкнулся от земли, чувствуя, как жар опаляет подошвы сапог. На мгновение он завис в воздухе над ревущей пастью пламени. Время растянулось. Он увидел каждую искру, каждую чешуйку коры на брёвнах.

Он приземлился по ту сторону, тяжело, неуклюже, перекатился через плечо гася инерцию, и вскочил на ноги.

Кожа на лице покраснела. Рубаха пахла костром. Но когда он обернулся, то увидел, что Лада улыбается. И вслед за ней улыбнулась вся поляна.

Это былаулыбка освобождения.

Начались прыжки. Сначала прыгали самые смелые — подростки, с визгом и хохотом. Потом — взрослые. Мужчина в солидном возрасте, бывший начальник службы безопасности какого-то из кланов, долго мялся, теребя пуговицу на рубахе, а потом глубоко вдохнул и прыгнул, нелепо взбрыкнув ногами. Он упал в траву, вскочил и вдруг заплакал — громко, по-детски, размазывая сажу по щекам.

Яромир стоял и смотрел. Он был «Мечом», он прошёл через огонь Арала и пустоту «Сингулярности». Но только сейчас, глядя на этих людей, он понял суть обряда. Дело было не в физическом прыжке. Дело было в решении. В отказе от контроля. В доверии к стихии.

Когда костёр прогорел до углей, образовав ровное, пылающее озеро, Велемир снова ударил в бубен, меняя ритм. Теперь это был ритм сердца — тум-тум, тум-тум.

— Лето на зиму! — крикнул старик. — Ночь на день! Огонь всё сжёг, вода заберёт!

Лада подошла к Яромиру. Её щека была испачкана золой. Она взяла его за руку — ту самую, что всё ещё сжималась в кулак по привычке — и потянула к реке.

На берегу, в заводи, уже качались венки. Девушки, сняв рубахи (нагота здесь не была вызовом, только чистотой), входили в воду.

— Пора, — сказала Лада.

Она сняла своё крапивное платье. Ткань упала к её ногам бесшумно. Яромир медленно выдохнул. Она стояла в лунном свете, и её тело казалось отлитым из серебра.

Она шагнула в реку. Вода не взволновалась. Она приняла её.

— Иди сюда, Крона, — позвала она, смеясь. — Или твой корень боится намокнуть?

Яромир сбросил одежду. Вода оказалась ледяной — со дна били ключи. Но когда он вошёл, когда его тело обожгло холодом, он вдруг почувствовал, как из него вымывается последний песок. Та самая сухость воина, тот скрип суставов.

Лада ждала его на середине реки. Она обвила его шею руками, и их тела соприкоснулись. Холодная вода и горячее дыхание.

— Мы очистились огнём, — прошептала она. — Теперь вода заберёт то, что сгорело.

Она поцеловала его. Это был не поцелуй страсти. Это был обряд. Вкус воды, вкус мёда, вкус дыма. Вокруг них по течению плыли венки с зажжёнными свечами. Маленькие огоньки в темноте. Маленькие судьбы, пущенные по реке времени.

Когда они вышли на берег, дрожа, их встретили сухим полотном и теплом.

Яромир смотрел на людей. Они сидели у догорающих углей, ели хлеб с мёдом и молчали. Но это было другое молчание. Не пустота. Наполненность.

— Они прыгнули, — сказал он Ладе, помогая ей надеть сухую рубаху.

— Они вспомнили, что у них есть тела, — ответила она. — А у тел есть право на страх и право на смех.

Яромир поднял голову. Над поляной, в самой высокой точке неба, уже загорались первые звёзды. Ночь вступала в свои права. Но теперь эта ночь не казалась ему врагом.

Огонь пылал внутри.

Глава 4. Искусство не мешать

Построенный общиной амбар пах свежим деревом и сухой пылью. Это был запах созидания, который Яромир начинал любить больше, чем запах оружейной смазки.

Они работали уже третью неделю. Люди, сбросившие с себя цифровые ошейники, оказались на удивление умелыми. В них проснулась генетическая память предков, которые строили терема без единого гвоздя. Яромир лишь направлял — показывал, как вырубить чашу в бревне, как прокладывать мох, чтобы не дуло. Он не командовал. Он просто брал в руки топор, и люди подходили сами, смотрели, запоминали.

Но сегодня утром идиллия дала трещину.

Яромир правил лезвие широкой косы-горбуши для покоса, когда дверь амбара отворилась. На пороге стоял Борислав.

В прошлом Борислав был «куратором сектора» — человеком с идеальным пробором, который никогда не знал физического труда. Раньше его руки были холёными, взгляд был как у человека, привыкшего отдавать приказы в микрофон. Сейчас его руки были в мозолях, спина сгорела на солнце, а в глазах плескалась растерянность, которую Яромир знал слишком хорошо. Это был взгляд человека, у которого выбили из-под ног табуретку власти.

— Яромир, — Борислав переступил с ноги на ногу. — Мы... мы не знаем, как дальше.

Яромир не поднял головы, продолжая водить точильным камнем по лезвию.

— Сено само не просохнет, Борислав.

— Да при чём тут сено! — Борислав шагнул вперёд, его голос сорвался на хрип. — Люди смотрят на тебя. Они ждут. Ты разбудил Узлы. Ты сломал «Сингулярность». Ты — Спаситель. Скажи нам, что строить. Куда идти. Какой закон писать.

Яромир отложил камень. Он посмотрел на Борислава. В полумраке амбара лицо бывшего куратора казалось серым.

— Закон? — Яромир усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Ты хочешь, чтобы я написал тебе правила, Борислав? Чтобы ты снова мог ходить и стучать палкой по тем, кто их нарушает?

— Не для меня! — почти выкрикнул тот. — Для них! — он махнул рукой в сторону поляны, где несколько человек пытались поставить стропило, но делали это вразнобой, грозя обрушить конструкцию. — Они как дети! Они спорят из-за каждого бревна! «Моё длиннее», «моё ровнее»! Им нужен старший! Им нужен... пастырь! Если ты не станешь им, они найдут другого. Хуже тебя. Кого-нибудь, кто пообещает им пайку и плётку. Ты должен взять власть, Яромир. Ради них.

В амбаре повисла тишина. Даже стук молотков на улице, казалось, стих. Яромир медленно поднялся. Он был выше Борислава на голову, шире в плечах. Старый рефлекс заставил его тело напрячься, занять позицию, из которой удобно бить или бросать.

Он увидел, как Борислав инстинктивно сжался, ожидая удара или крика. Ожидая «Спасителя», который сейчас явит свой гнев или свою милость.

Яромир сделал то, чего не делал никогда. Он расслабил плечи и выдохнул.

— Дай мне топор, — сказал он тихо.

Борислав непонимающе моргнул, но протянул инструмент.

Яромир взял тяжёлое лезвие, повертел в руках.

— Смотри, — он присел на корточки перед куском ели, предназначенным для балки. — Видишь этот сучок? Если я ударю здесь, — он указал на самое основание сучка, — древесина расщепится вдоль волокон. Вся балка пойдёт в брак. Энергия впустую. Дерево испорчено.

Он перехватил топор.

— А если я подойду с другой стороны, — Яромир обошёл бревно, — и буду бить не в сучок, а рядом, под углом, следуя за естественным изгибом... Смотри.

Он нанёс один короткий, точный удар. Сук отвалился чисто, оставив гладкую поверхность.

— Я не заставил дерево, — Яромир протянул топор обратно Борославу. — Я узнал его природу и помог ей проявиться.

Он встал и посмотрел прямо в глаза бывшему куратору. Его взгляд был тяжёлым, как мокрый гранит.

— Ты хочешь, чтобы я стал Архитектором, Борислав. Ты хочешь бетонных стен и прямых углов. Ты боишься, что если не будет приказа, люди начнут убивать друг друга. Ты не веришь в них. И поэтому ты не веришь в меня.

— Я верю в порядок! — выкрикнул Борислав.

— Порядок — это кладбище, — отрезал Яромир. — Там всё по линеечке. Там никто не шумит. Жизнь — это хаос. Это кривые стволы, это дождь не вовремя, это ребёнок, который плачет, когда хочет. Если я дам тебе закон, ты станешь его рабом. Ты будешь искать лазейку, чтобы его обойти, или дубинку, чтобы им бить. Я не дам тебе плётку.

Яромир подошёл к двери амбара и распахнул её настежь. Утреннее солнце ударило в глаза.

— Видишь их? — он указал на поляну.

Там, у недостроенного дома, действительно шла перепалка. Двое мужчин тянули одно бревно в разные стороны. Рядом стояла женщина с младенцем на руках и кричала на них, пытаясь разнять. Это выглядело глупо. Смешно. По-человечески.

— Они сейчас злятся, — продолжил Яромир. — Они тратят силы. Они устанут. Солнце поднимется выше, станет жарко. Тот, кто слабее, отступит. Они покричат, помашут руками, может, даже подерутся. А потом сядут в тени и начнут думать. Как сделать так, чтобы бревно не упало им на ноги в следующий раз. И они придумают. Они изобретут рычаг. Или позовут третьего. Они родят решение из своей боли и своей глупости. Это будет их решение.

Яромир повернулся к Борославу. Его лицо было суровым.

— Если я приду сейчас и скажу им: «Взяли, по моей команде, раз-два», — они поднимут бревно. Но они ничему не научатся. Они просто выполнят приказ. И завтра, когда меня не будет рядом, а бревно будет тяжелее, они снова начнут убивать друг друга, потому что некому отдать приказ. Я не хочу растить собак, Борислав. Я хочу, чтобы они стали людьми. А человек учится только тогда, когда ему больно.

Борислав стоял, сжимая топор. Его идеальная осанка, вбитая годами в корпоративных офисах, дала трещину. Он сутулился под весом слов Яромира.

— Они возненавидят тебя, — прошептал он. — За то, что ты бросаешь их.

— Пусть, — кивнул Яромир. — Ненависть — это тоже чувство. Это лучше, чем цифровой сон. Пусть ненавидят меня, но строят свой дом сами. Иди, Борислав. Возьми косу. Или просто сядь и смотри, как они ошибаются. Но не смей решать за них.

Он оставил бывшего куратора в тени амбара и вышел на солнце.

Яромир не пошёл к спорящим. Он пошёл к колодцу. Опустил ведро. Умыл лицо ледяной водой, смывая пот и раздражение.

Когда он подошёл к недостроенному дому, спор как раз достиг апогея. Один из мужчин, рыжий детина, бросил свой конец бревна и сплюнул:

— Да пропади оно пропадом! Сами таскайте! Я в кузницу!

Он развернулся и пошёл прочь. Второй, худой и длинный, остался стоять с бревном, которое тут же опасно накренилось. Женщина вскрикнула.

Яромир не сдвинулся с места. Он просто стоял, скрестив руки, и смотрел. Это был самый тяжелый бой в его жизни. Бой с собственным желанием шагнуть вперёд, рявкнуть, навести порядок.

Худой с бревном крякнул, присел, пытаясь удержать вес в одиночку. Его лицо налилось кровью. Он был в шаге от того, чтобы уронить сосну на ногу.

И тут произошло то, на что рассчитывал Яромир.

Из толпы, стоявшей поодаль и наблюдавшей за скандалом, вышел старик Велемир. Он не стал хвататься за бревно. Он подошёл к уходящему рыжему.

— Кузнец, значит? — спросил старик, преграждая путь. — А я смотрю, у тебя руки слишком чистые для кузнеца.

Рыжий остановился.

— Отойди, дед. Не до тебя.

— И мне не до тебя, — кивнул Велемир. — Только дом-то общий. А ты свой труд за пазуху прячешь. Нехорошо. Совесть — она тяжелее бревна будет.

Рыжий замер. Он посмотрел на Велемира, потом на Яромира, стоящего у колодца. Потом на бревно, придавившее его товарища. Грязно выругался, развернулся, подошёл и подставил плечо под дерево.

— Тяни, леший тебя дери! — буркнул он худому.

Через пять минут бревно лежало на месте. Мужчины тяжело дышали, глядя друг на друга без особой любви, но с каким-то новым, тяжёлым пониманием.

Яромир кивнул. Он не помог им физически. Он помог им, отказавшись помогать. Он дал им право на ошибку.

Он зачерпнул воды, сделал глоток и посмотрел на небо. Солнце палило. День только начинался. Впереди было много таких дней.

Искусство не мешать оказалось сложнее, чем искусство убивать. Но, кажется, оно было единственно верным.

Глава 5. Плоть и камень

Ночь опустилась на поляну не как занавес, а как мягкое, тяжёлое одеяло. Дневной зной, накопленный в бревенчатых стенах, начал медленно отдавать своё тепло обратно, смешиваясь с прохладой, идущей от реки. Дом дышал. Яромир лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Сквозь щели в кровле, затянутые бычьим пузырём, пробивались лучи лунного света, расчерчивая комнату на светящиеся квадраты.

Лада не спала.

Он чувствовал это не потому, что слышал её дыхание — оно было тихим, как шелест крыльев ночной бабочки. Он чувствовал это позвоночником. Вся левая сторона его тела была зоной её присутствия. Она излучала тепло, которое не имело ничего общего с температурой. Это был жар земных недр, спокойный и уверенный.

Весь день он строил. Весь день он был «Кроной» — принимал решения, направлял, отказывал, разрешал. Он был точкой опоры для десятков людей. Его воля натянулась, как тетива боевого лука. Он привык к этому напряжению, оно было ему родным, как запах пороха. Но сегодня, после сцены с Бориславом, тетива звенела слишком тонко. Он боялся, что она лопнет.

Лада повернулась. Её тёплая нога перекинулась через его бёдра, закрепляя его на месте. Её рука легла ему на грудь, прямо над сердцем. Пальцы, знающие язык трав, не искали ласки — они слушали ритм.

— Ты всё ещё там, — её голос прозвучал в темноте не звуком, а вибрацией. — На поляне. С бревном.

Яромир закрыл глаза.

— Я должен был помочь им, Лада. Они чуть не убили друг друга. Я стоял и смотрел. Я чувствовал себя палачом.

— Ты чувствовал себя Богом, — поправила она. — А ты просто человек. Плоть и кровь.

Она села. Лунный свет упал на её лицо, превратив его в маску из звёздного серебра. Её волосы были распущены, спадая на плечи плащом. В полумраке она казалась не женщиной, а самой ночью, принявшей человеческий облик.

— Иди сюда, — сказала она.

Это было приглашением в другой мир.

Яромир сел. Между ними, на полу, лежала шкура медведя, добытая Велемиром прошлымлетом. Лада коснулась её босой ступнёй.

— Сними это, — она указала на его льняную рубаху. — И это, — палец коснулся его груди, где на кожаном шнурке висел оберег из корня дуба. — Оставь дерево дереву. Мне нужен ты.

Её пальцы были прохладными, но там, где они касались его разгорячённой кожи, оставался огненный след. Она не торопила его. Она просто смотрела, как он, воин, ломавший хребты врагам, неловко, путаясь в складках, стягивает рубаху через голову.

Он был покрыт шрамами. Карта его прошлой жизни, написанная клинками и осколками. Лада провела ладонью по его плечу, по белесому рубцу от плазменного ожога.

— Здесь ты умирал, — прошептала она. — А здесь, — её палец скользнул ниже, к рёбрам, — здесь ты побеждал.

Яромир перехватил её руку и прижал к губам. Он целовал её ладонь, её запястье, чувствуя губами тонкий пульс.

— Сегодня я не победил, — сказал он. — Я просто смотрел, как они мучаются.

— Ты дал им жизнь, — Лада высвободила руку и начала распускать шнуровку своего платья. Ткань цвета речной волны соскользнула с её плеч, открывая кожу, пахнущую луговым

мёдом и цветами. — Ты дал им право быть слабыми и это сделало их сильнее. Быть слабым — самая большая храбрость.

Она шагнула к нему вплотную. Её тело соприкоснулось с его. Не было стыда, не было игры. Это было слияние двух стихий. Его — огненной, сухой, рвущейся ввысь. Её — влажной, земной, стремящейся вглубь.

Яромир ожидал страсти. Того дикого, первобытного голода, который сжигал их в Саду Забвения или на руинах башен Столицы. Но то, что происходило сейчас, было иным.

Лада положила его ладонь себе на живот.

— Чувствуешь? — спросила она. — Здесь спит зерно.

Под его пальцами мышцы её живота вибрировали. Это было не просто биение жизни. Яромир, с его обострённым ведическим зрением, видел это: золотистую, пульсирующую точку в центре её чакры. Она не просто касалась его — она втекала в него.

Её ладони легли ему на поясницу, нажимая с какой-то нечеловеческой силой.

— Отпусти боль, — выдохнула она ему в шею. — Отпусти войну. Она осталась снаружи. Здесь только мы. Здесь только земля.

Яромир выдохнул. И вместе с воздухом из него вышло напряжение. То самое звенящее напряжение тетивы. Он перестал быть «Мечом». Он стал просто мужчиной. Его тело, привыкшее к броне и контролю, вдруг стало мягким, податливым.

Он подхватил её на руки н понёс к лежанке из сухого сена, застеленной льном.

Они опустились не на кровать, а на саму Землю.

То, что происходило дальше, нельзя было назвать просто актом любви в человеческом смысле. Это был обряд. Ритуал заземления.

Лада впускала его. Каждое движение было не толчком, а погружением. Она направляла его энергию, ту самую огненную, разрушительную силу, что спала в его чреслах, вниз. Сквозь их сплетённые тела, сквозь сено, сквозь доски пола — вглубь, к корням Дуба, к самому ядру планеты.

Яромир чувствовал, как его «Я» растворяется. Он был потоком. Он был дождём, падающим на сухую почву.

— Я боюсь исчезнуть, — прошептал он, когда их лбы соприкоснулись. По его вискам катился пот, но это был не жар лихорадки, это был жар переплавки.

— Пепел боится исчезнуть, — ответила Лада, и её глаза в темноте светились собственным, зелёным светом. — Но ты не пепел. Ты — огонь. Огонь не боится очага. Он и есть очаг.

Она начала петь. Тихо, на выдохе. Это была та самая Песнь Земли, которую она пела у Колодца Памяти. Вибрация её голоса входила в резонанс с его плотью.

И мир изменился.

Яромир открыл глаза — и увидел.

Он видел не тёмную избу. Он видел их обоих со стороны, но не физическими глазами. Их тела были сплетены в единый узел золотого и изумрудного света. И от этого узла, от их союза, в пол уходил столб чистой энергии.

Сквозь доски, сквозь землю, этот столб бил в корни Живого Дуба на поляне.

Яромир видел, как соки в дереве ускорили бег. Как листья, спящие в ночи, чуть заметно повернулись к их дому. Как под землёй, в темноте, проснулись грибницы и потянулись к теплу их любви.

Он исцелял землю. Не ударом меча. Не приказом. Просто тем, что любил эту женщину по-настоящему, всем своим существом, сжигая в этом огне последние остатки своего Эго.

Это длилось вечность и одно мгновение.

Когда волна схлынула, когда золотая вспышка сменилась мягким, ровным свечением, они лежали обнявшись. Утомлённые, но наполненные до краёв.

Лада положила голову ему на грудь. Её волосы были мокрыми от пота.

— Ты всё ещё здесь? — спросила она сонно.

Яромир поцеловал её в макушку. Он чувствовал себя не уставшим, а выкованным заново.

— Я здесь, — сказал он. — Я дома.

Он смотрел в потолок, на квадрат лунного света в щелях кровли, и понимал: он больше не боится тишины. Потому что теперь тишина была не пустой. Она была наполнена дыханием женщины, которая только что спасла его душу, забрав войну и вернув ему любовь.

Глава 6. Дети руин

Осень пришла как хозяйка, проверяющая свои кладовые. Она перекрасила листья Живого Дуба в цвет старой бронзы и запекшейся крови, а по утрам укутывала поляну таким густым туманом, что казалось — мир стал первобытным океаном, из которого ещё не поднялась твердь.

Яромир любил это время года. Осень не обещала вечного лета, как синтетические сады «Сингулярности», она честно говорила: готовься, впереди холод. И люди слушали. Они больше не ждали прогнозов погоды от экранов. Они смотрели на муравьев, тащащих в норы последние травинки, на то, как белки прячут орехи под корни Дуба, и начинали конопатить щели, пока смола ещё не застыла.

Дом Яромира и Лады стал сердцем. Люди называли его «У корнышей», и это слово, рождённое где-то в толпе, прижилось. Оно не имело корня в старых словарях, но было абсолютно понятным. Корныши — это те, кто пустил корни.

Сюда приходили. Не за приказом, не за пайкой. Приходили, чтобы просто посидеть у очага, где Лада варила в чугунке густой травяной отвар, и помолчать. Сначала они сидели на пороге, боясь переступить черту. Потом — на лавках. А через месяц Яромир, вернувшись с заготовки дров, обнаружил, что в большой горнице, на полу, застеленном свежим лапником, спят трое чужаков.

Он не стал их будить. Он просто подбросил дров в печь, сел у огня и начал точить нож. Это была его медитация. Скрежет точильного камня по стали в спящем доме звучал как пульс.

Первой проснулась женщина. Она была худая, с кожей серого оттенка — наследие подземелий столицы, где она провела три года, питаясь белковым концентратом. Увидев Яромира, она не вскрикнула. Она просто смотрела на лезвие ножа, на то, как пляшут в полированной стали отсветы пламени.

— Он острый? — спросила она хрипло.

— Достаточно, — кивнул Яромир, не прекращая движения. — Чтобы резать хлеб. Или чтобы срезать кору для плетения. Для другого он мне здесь не нужен.

Женщина сглотнула. Ее взгляд метнулся к печи, где в чугунке булькало что-то густое и пахучее.

— Настоящее? — прошептала она.

— Что именно? — Яромир отложил нож.

— Еда. Она... она пахнет землёй.

— Это репа и дикий чеснок, — ответила Лада. Она стояла в дверях спальни, кутаясь в шаль. Ее волосы были растрёпаны со сна, но в утреннем свете она казалась воплощением самой этой избы — такой же тёплой, надёжной и пахнущей жизнью. — Садись к столу. Голодная небось.

Женщина заплакала. Беззвучно, просто слёзы покатились по впалым щекам, смывая серость. Она села за стол, и когда Лада поставила перед ней глиняную миску с дымящейся похлёбкой, женщина опустила к ней лицо, вдыхая пар, прежде чем коснуться еды губами. Она вдыхала запах укропа, запах дыма, запах честного труда. Она плакала и ела одновременно.

Так они и остались. Муж женщины — молчаливый, огромный детина, бывший грузчик с нижних уровней «Сингулярности», и их сын.

Мальчику было лет семь. Он был первым ребёнком руин, которого Яромир увидел так близко.

Дети Эпохи Полумрака были другими. Они двигались как испуганные зверьки — быстро, пригибаясь, всегда готовые юркнуть в тень. Их глаза никогда не смотрели прямо, они сканировали пространство на предмет угрозы.

Этот мальчик, которого звали Тихон, был иным.

У него не было страха.

Яромир заметил это на третий день. Он сидел на крыльце и правил рукоять новой косы. Тихон выполз из дома — бледный, с синяками под глазами (болезни прошлого ещё долго будут выходить из тел), и сел на ступеньку ниже. Он смотрел на муравья, который тащил сухую иголку, в три раза больше его самого.

— Ему тяжело, — вдруг сказал Тихон.

Яромир замер. Он привык, что дети в новом мире либо молчат, либо задают бесконечные вопросы «почему?». Этот констатировал факт.

— Тяжело, — согласился Яромир. — Но он тащит. Значит, ему нужно.

— А если он уронит? — мальчик поднял на Яромира глаза. И Яромир вздрогнул.

Это были не глаза ребёнка, выросшего в бетонной коробке. Это были глаза древнего старика. В них не было любопытства, было спокойное, созерцательное принятие.

— Если уронит, — сказал Яромир, — он отдохнёт и возьмётся за делоснова. Или позовёт друга. Муравьи не сдаются.

— Люди тоже не сдаются когда тяжело, — кивнул Тихон. — Только люди глупые. Они сдаются, когда им слишком легко.

Яромир отложил косу.

— Это почему же?

— Когда легко, мышцы становятся мягкими. Как у отца, когда он только пришёл сюда. Он не мог поднять полено. Руки дрожали. А теперь смотри, — мальчик кивнул в сторону, где его отец тесал столб. — Боль делает сильным. Радость делает слабым.

Яромир смотрел на этого семилетнего философа и чувствовал, как по спине пробегает холодок.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Я просто вижу.

Тихон протянул руку и аккуратно, двумя пальцами, переложил иголку с пути муравья, но не на рыхлую землю, а чуть дальше, на утоптанную тропинку.

— Ты добрый, — сказал Яромир.

— Нет, — мальчик покачал головой. — Добро — это когда отдаёшь своё. А это... это просто не мешать. Ты тоже так делаешь. Я видел. Ты смотришь, как люди падают, и не поднимаешь их.

Яромир сглотнул ком в горле. Ребёнок видел его насквозь. Он видел ту самую «педагогику свободы», которая по ночам казалась Яромиру жестокостью.

— Я хочу топор, — сказал Тихон.

— Тебе нельзя, — машинально ответил Яромир. — Опасно.

— Почему? — в голосе мальчика не было капризов. — Я не буду рубить ногу. Я хочу сделать лодочку. Из щепки.

Яромир посмотрел на свои руки. На шрамы. На мозоли. Он, прошедший огонь, смерть и пустоту, боялся дать в руки ребёнку кусок железа.

— Я принесу тебе нож, — сказал он. — Маленький. Резать дерево. Но если порежешь палец — не плачь. Сам перевяжешь.

— Я не плачу, — серьезно ответил Тихон. — Слёзы — это вода. Вода нужна корням, а не глазам.

Лада вышла на крыльцо с кувшином молока. Она слышала конец разговора. Она поставила кувшин и присела перед Тихоном, положив руки ему на плечи.

— Ты мудрый, — сказала она.

— Я просто помню, — мальчик впервые улыбнулся, и эта улыбка преобразила его лицо, сделав почти обычным ребёнком. — Я помню, как пахнет пластик, когда он горит. Кислятина. А здесь пахнет яблоками. Я хочу, чтобы всегда пахло яблоками.

Лада обняла его. Прижала к своему боку, и Яромир увидел, как плечи мальчика, до этого напряжённые, как струна, обмякли. Он позволил себе быть ребёнком. Всего на секунду.

Вечером, когда сгустились сумерки, Яромир сидел у огня.Тихон спал на печи, свернувшись калачиком. Рядом с ним, на расстеленном одеяле, лежала его первая работа — кривая, неуклюжая, но сделанная своими руками лодочка из липовой щепки.

Яромир смотрел на спящего мальчика и думал о словах Лады. «Ты дал им корни, теперь дай им небо».

Но глядя на Тихона, он понимал: небо они найдут сами. Им нужно только не мешать.

Его взгляд упал на руки. На ладони, лежащие на коленях. В полумраке избы они казались огромными, тяжёлыми, созданными для того, чтобы держать меч или вырывать с корнем вражеские укрепления.

Сейчас они просто лежали. Пустые.

Эта пустота не пугала его. Она была пространством. Пространством, в которое могла войти жизнь.

Он закрыл глаза и позволил тишине заполнить себя. Тишина больше не была пустотой. Она была наполнена сопением ребёнка на печи и ровным, глубоким гулом Живого Дуба за стеной. Гулом, который говорит: «Расти».

Глава 7. Ведический календарь

Зима в Западном Узле была холодной. Для людей, выросших в климат-контроле «Сингулярности», где температура всегда держалась на комфортных двадцати двух градусах, первый настоящий мороз стал откровением.

Воздух обжигал лёгкие, превращая выдох в густой пар. Снег падал мелкой, алмазной пылью, которая скрипела под ногами так чисто, что этот звук казался музыкой. Яромир, привыкший к слякоти отравленных городов, поначалу воспринимал холод как врага. Он кутался в тулуп из волчьей шкуры, который ему сшила Лада, и хмурился, глядя на замёрзшую реку.

— Ты воюешь с зимой, — сказала однажды Лада, заметив, как он зло пинает замёрзшую ветку. — А зима — это не враг. Это ночь года. Время, когда земля спит, чтобы набраться сил для весны.

Она заставила его сесть на крыльцо, босиком, прямо на утоптанный снег.

— Дыши, — велела она. — Не грудью. Животом. Чувствуй, как холод входит в тебя.

Яромир подчинился. Сначала мороз ударил по лёгким кувалдой. Тело инстинктивно сжалось, готовясь к боли. Но Лада положила свои горячие ладони ему на поясницу, и тепло начало медленно, толчками, спускаться вниз. Холод перестал быть болью. Он стал иголочками, покалывающими кожу. Он стал ясностью.

— Видишь? — прошептала Лада. — Зимой мир становится хрустальным. Каждая ветка видна насквозь. Нет листвы, чтобы прятать суть. Зима — это правда.

Именно в эту зиму Яромир понял, почему предки делили год не на месяцы, а на состояния души.

Коляда. Рождение Света.

Самый тёмный день в году. Солнце умирало, чтобы родиться заново.

Община собралась у Живого Дуба. Велемир, чьи суставы скрипели громче снега, выкатил огромное деревянное колесо.

— Это не просто дерево, — сказал он, обращаясь к людям, жмущимся к огню. — Это скелет года. Мы сжигаем старое солнце, чтобы новое нашло дорогу.

Яромир смотрел на лица. В них читалось ожидание. Люди, которые ещё полгода назад мерили жизнь зарядом батарей, теперь смотрели на небо, ожидая поворота светила.

Когда Велемир поджёг колесо и пустил его с холма вниз, к реке, толпа ахнула. Горящий диск летел сквозь тьму, разбрасывая снопы искр, похожих на звёзды.

— Солнце родилось! — крикнула Лада, и её голос, звонкий и чистый, разрезал морозный воздух.

Яромир почувствовал, как что-то внутри него, сжатое в тугой узел вечной готовности, тоже начало разжиматься. Лада взяла его за руку. Её пальцы были горячими, как угли.

— Она внутри нас, — сказала она. — Спираль времён. Мы — тоже колёса.

Великдень. Пробуждение.

Весна пришла не по календарю. Она пришла запахом. Сначала исчез запах мороза. Потом воздух стал пахнуть мокрой землёй и гнилью — честным запахом распада, который даёт жизнь.

Праздник Великдень начался до рассвета.

Люди шли к реке. Лада вела их. Она была одета в белую рубаху, расшитую красными узорами — символ крови и жизни. В руках она несла живую ветку вербы, на которой уже набухли пушистые почки.

— Земля просыпается, — пела она, и люди подхватывали мотив, сами того не замечая. — Кровь в её жилах бежит быстрее.

Они входили в ледяную воду.

Яромир стоял на берегу, готовый броситься следом, если кто-то начнёт тонуть. Но никто не тонул.Они смеялись. Визжали от холода, но смеялись. Это был не подвиг, это было очищение.

Лада окуналась трижды. Выходя на берег, она дрожала, кожа её была гусиной, но глаза сияли.

— Сбросили кожу, — выдохнула она, стуча зубами. — Теперь мы новые.

Яромир подошёл к ней, накинул на плечи сухой плащ. Он смотрел на её лицо, на капли воды, застывшие на ресницах.

— Ты их жрица, — сказал он.

— Я их сестра, — ответила она, прижимаясь к его теплу. — Просто та, которая помнит слова.

Масленица. Проводы Эго.

Это был самый страшный и самый важный праздник.

В центре поляны, где ещё лежал снег, но солнце уже грело макушку, они собрали чучело. Это была не просто кукла из соломы. Каждый житель общины подошёл к чучелу и привязал к нему что-то своё.

Борислав, бывший куратор, привязал идеально выглаженный галстук из старой синтетики — символ своей прошлой власти.

Милолика, девушка с веснушками, привязала зеркальце — символ своей зацикленности на внешности.

Рыжий кузнец привязал тяжёлый молот — символ своей гордыни мастера.

Яромир стоял последним. Он долго смотрел на чучело. Что может привязать тот, кто был «Мечом»? Чья жизнь была сплошным напряжением?

Он снял с шеи кожаный шнурок. На нём висел клык волка — его первый трофей, его первый убитый зверь. Он привязал его к соломенной руке.

— Это моя ярость, — сказал он громко, чтобы слышали все. — Моя жажда крови. Она защищала меня. Но она же и слепила меня. Пусть сгорит.

Когда Велемир поджёг чучело, пламя взвилось до небес. Оно было неистовым. Люди стояли кольцом, и в свете огня Яромир видел, как меняются их лица. Они смотрели, как горит их прошлое.

Снег вокруг костра таял, обнажая сырую землю. земля — это честность. Идеально чистый снег символизировал ложь, которая скрывалаистину.

Лада взяла горсть пепла от сгоревшего чучела. Она подошла к Яромиру.

— Открой ладонь, — велела она.

Он подчинился. Она сыпанула ему в рукугорячий, пахнущий дымом пепел.

— Ощути свою смерть, — сказала она. — Чтобы родиться заново.

Яромир сжал ладонь. Остывающий пепел окуталпальцы теплом. Вместе с этим теплом пришло освобождение.

Его руки больше не искали рукояти меча.

Ткань времени

После праздников жизнь не стала легче. Она стала глубже.

Люди начали чувствовать время. Они знали, когда сеять, не глядя на цифры. Они знали, когда рубить лес, по звуку удара топора — зимой дерево звенит иначе, оно спит крепко.

Яромир сидел на крыльце своего дома. Солнце клонилось к закату, окрашивая снег в цвет расплавленного золота.

Лада вышла из дома, неся в руках крынку с топлёным молоком. Она села рядом, прижалась к его плечу.

— Мы все стали деревом, — сказала она тихо. — У нас есть корни. У нас есть годовые кольца.

— А что есть у меня? — спросил Яромир. — Я всё ещё чувствую себя... лишним. Я не умею праздновать. Я умею только выживать.

Лада повернула его лицо к себе. В её глазах отражалось заходящее солнце.

— Выживать — это и есть самый древний навык, Яромир. Каждый вдох, когда ты думал, что задохнешься. Каждый шаг, когда думал, что упадешь… Ты просто забыл, что выживание — это танец жизни.

Она взяла его руку и положила себе на живот. Под грубой тканью платья он почувствовал тепло.

— Здесь растёт новая жизнь, — прошептала она. — Наш сын. Он родится весной. Когда солнце будет сильным. Он не будет знать, что такое «Чистильщик». Он будет знать только, что такое «Мать» и «Отец». И «Дом».

Яромир смотрел на горизонт. Там, где небо встречалось с заснеженным лесом, зажглась первая звезда.

Он не чувствовал себя воином. Он не чувствовал себя спасителем.

Он чувствовал себя стволом. Тем, на ком держится всё остальное.

И эта тяжесть была самым лёгким, что он когда-либо нёс.

Глава 8. Тень прошлого

Прошлая зима выдалась лютой. Такой, о которой старики в руинах рассказывали шёпотом, называя её «Дыханием Полуночи». Лес трещал от мороза, словно кто-то невидимый ломал гигантские кости. Река, ещё недавно бывшая живой артерией, превратилась в монолитную, чёрную ленту льда, местами скрытую под слоем пушистого, но злого снега.

В такие ночи Яромир спал особенно чутко. Это было что-то древнее, звериное — инстинкт вожака, слушающего, не воет ли стая у границ территории.

Скрип.

Не половицы. Снег.

Тяжёлый, ритмичный хруст, который не мог принадлежать ни волку, ни кабану. Слишком размеренно. Слишком... механически.

Яромир открыл глаза. Лада спала рядом, её дыхание было ровным и тёплым. Он выскользнул из-под медвежьей шкуры бесшумно, как тень. В доме было жарко — печь, сложенная по всем правилам старой школы, держала тепло до утра. Но от входной двери тянуло могильным холодом.

Он стоял в полумраке горницы, прислушиваясь.

Скрип. Пауза. Скрип. Пауза.

Кто-то стоял на крыльце. Долго. Не решаясь войти.

Яромир не стал брать нож. Он подошёл к двери и отодвинул тяжёлый дубовый засов. Звук показался ему пушечным выстрелом в тишине.

На крыльце, по колено в снегу, стоял человек.

Это был «Чистильщик».

Яромир узнал бы эту фигуру из тысячи. Чёрный комбинезон из материала, поглощающего свет, делал человека похожим на вырезанную в реальности дыру. Но самым страшным была голова. Или то, что её заменяло.

Зеркальный шлем-обсидиан. Идеально гладкая сфера, в которой отражался падающий снег, но не отражалось лицо.

Чистильщик стоял, опустив руки вдоль тела. Он не делал агрессивных движений. Он просто стоял и смотрел на Яромира своим слепым, зеркальным лицом. В этом стоянии было столько отчаяния, сколько не было даже в глазах тех, кого сжигали заживо на кострах инквизиции во время крестовых походов.

— Объект: Яромир, — раздался голос. Он возникал прямо в черепе, лишенный интонаций, сухой и стерильный, как спирт. — Протокол: Сдача. Запрос: Перезагрузка личности. База данных пуста.

Яромир не ответил. Он сделал шаг в сторону, за пределы крыльца, в снег. Он был босиком, и ледяные иглы впились в ступни, но он не чувствовал холода. Он смотрел на эту чёрную фигуру, стоящую в белом безмолвии.

— Ты заблудился, — сказал Яромир. Его голос прозвучал хрипло.

— Протокол нарушен, — ответил Чистильщик. — Координаты цели: отсутствуют. Цель: отсутствует. Архитектор: не отвечает. Кланы: не отвечают. Я завершил протокол «Утилизация». Я завершил протокол «Стерилизация». Мне больше нечего... завершать.

В его голосе впервые прорезалось нечто человеческое. Трещина. Пустота, которая осталась, когда из сосуда вылили всю воду.

Яромир смотрел на него и видел не врага. Он видел себя. Себя тридцатилетней давности. Функцию. Нож, который забыли в ножнах.

— Войди, — сказал Яромир. — Снег тебя похоронит.

Чистильщик не двигался.

— Если я войду, я нарушу периметр твоего... жилища. Я не знаю параметров…

— Параметр один, — Яромир прислонился плечом к косяку. — Не замерзнуть насмерть.

Он повернулся и вошёл в дом, оставив дверь открытой.

Он не оглядывался. Либо Чистильщик сделает шаг в тепло, либо останется во тьме и замёрзнет.

Скрип. Ближе.

Тяжелый, неуклюжий шаг. Зеркальный шлем на секунду отразил золотой свет из дверного проёма, и на мгновение Яромиру показалось, что он увидел в этом отражении собственное лицо — измождённое, с седой бородой, живое.

Чистильщик ввалился в сени. Дверь закрылась, отсекая вой ветра.

В горнице, у живого огня, чёрная фигура выглядела как клякса на холсте жизни. С зеркального шлема на пол натекла лужа талой воды.

Яромир сел за стол. Налил в кружку травяного отвара. Пододвинул её к гостю.

— Сними это, — кивнул он на шлем.

— Защита. Протокол безопасности.

— Здесь безопасно. Сними.

Чистильщик поднял руки. Движения были рваными, лишёнными привычной грации машины. Пальцы в тактических перчатках коснулись зажимов.

Щелчок.Шлем отделился.

Под ним оказалось лицо мужчины лет сорока. Бледное, как у утопленника, лишённое пигмента. Глаза... глаза были нормальными, человеческими, но они смотрели в пустоту. В них не было видно зрачков — только сплошная, серая радужка, как расплавленный свинец.

— Меня звали... Индекс 404-КС, — сказал он, принимая кружку дрожащими руками.

— Как тебя зовут сейчас? — спросил Яромир.

— Теперь… не знаю. Я искал... цель. Я шёл на Север. Там холодно. Там... тихо. Мне понравилось. Но я устал.

Он сделал глоток. Обжёгся. Зашипел сквозь зубы, но не выпустил кружку.

— Вкус, — прошептал он. — Горечь. И сладость. И... жизнь.

Яромир смотрел, как этот человек — этот бывший инструмент смерти — держит горячую глину, словно величайшую драгоценность.

— Ты искал меня, чтобы я дал тебе цель, — сказал Яромир. — Яромир-Святой. Яромир-Спаситель. Протокол: Поклонение.

— Нет, — Индекс покачал головой. Вода с его мокрых накладок на руках капала на стол. — Я искал тебя, чтобы ты закончил меня. Я — ошибка. Я чувствую... страх. Это больно. Я не знаю, что делать с болью.

Яромир долго молчал. Он смотрел на огонь.

Самый простой путь — убить его. Одним ударом. Это было бы милосердно. Бывший Чистильщик, потерявший директивы, — это ходячая катастрофа. Он может вспомнить протоколы и вырезать всю общину во сне.

Но Яромир не был Мечом. Он был Кроной.

— Боль — это дверь, — сказал Яромир. — Ты просто стоишь перед ней и бьёшься в неё головой. А надо просто повернуть ручку и войти.

— Как?

— Сядь.

Яромир поднялся. Он подошёл к печи, взял кочергу и разворошил угли. Золотые искры взвились к дымоходу.

— Смотри, — сказал Яромир. — Это огонь. Он ест дерево. Дерево умирает. Дереву больно? Мы не знаем. Но без этого огня мы замёрзнем. Твоя боль — это твоё дерево. Оно должно сгореть, чтобы ты согрелся.

Индекс 404-КС смотрел на угли. Его серые глаза не мигали.

— Я убивал детей, — вдруг сказал он. Голос не дрогнул. Это была просто констатация факта, запись из лог-файла. — Протокол: Санитарная зачистка сектора 9. Они кричали. Мне было... всё равно.

Яромир не вздрогнул. Он не отвёл взгляд.

— Я тоже убивал, — сказал он тихо. — Я убивал чьих-то отцов. Я убивал чьих-то сыновей. Я делал это, чтобы мои дети не кричали. В итоге мои дети всё равно кричат. Только теперь они кричат от радости, когда падают в снег. А твои?

Индекс открыл рот. Закрыл. Его серые глаза впервые сфокусировались на лице Яромира.

— У меня нет детей.

— Теперь есть, — Яромир кивнул в сторону печи, где в огне, казалось, танцевали тени. — Тихон. Мальчик, что спит на полатях. Ему семь. Он боится зеркал. Но он увидит в тебе не ошибку. Он увидит в тебе человека, который забыл, как дышать.

Индекс медленно повернул голову. Он посмотрел туда, где спали дети общины на полатях. Его дыхание участилось.

— Страх... — прошептал он. — Он рвёт меня изнутри.

— Это не страх, — Яромир сел обратно. — Это возвращение чувств. Ты много лет жил под анестезией протокола. Теперь наркоз отошёл. Терпи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.